

А.С. КУЗАВКО

кандидат экономических наук, доцент,
доцент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучение динамики межгосударственных взаимодействий в ходе глобализации и регионализации мировой экономики позволило накопить значительный объем теоретических и эмпирических работ, результаты которых могут быть использованы для оценки влияния приграничного торгового сотрудничества на развитие экономики регионов. Особый интерес представляет анализ развития приграничных регионов в условиях интеграции, который проводится исследователями с помощью разных подходов и методов. В данной статье сопоставляется динамика развития некоторых приграничных регионов Союзного государства России и Белоруссии, ЕС и ряда других государств, включенных в интеграционные процессы, предпринимается попытка обобщить наиболее значимые выводы зарубежных и отечественных исследователей о влиянии межгосударственной интеграции на социально-экономическое положение приграничных регионов. Отмечается, что определенные возможности для оценки влияния приграничного положения региона на его развитие предоставляют новая теория торговли и новая экономическая география. Исследование показало, что влияние интеграции на развитие приграничных регионов очень различное, что обусловлено разными целями и мотивами сближения независимых государств, а также уникальными институциональными факторами приграничных территорий.

Ключевые слова: *приграничные регионы, интеграция, экономический рост.*

УДК: 339.924

EDN: WMGGWU

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_108_130

О специфике приграничного положения

Результаты проведенных научных исследований свидетельствуют о неоднозначности приграничного положения как фактора социально-экономического развития регионов. Государственные границы влияют на развитие приграничных районов и страны в целом через свои фундаментальные свойства – барьерность и контактность [1]. В целом,

общей закономерностью является прямая зависимость контактности границ от: 1) уровня развития и структуры экономики стран-соседей; 2) однотипности экономических и правовых систем; 3) институтов, регулирующих взаимные связи; 4) развития транспортной инфраструктуры. При неисполнении этих условий соответственно возрастает значение барьерных функций государственных границ [2].

Приграничные территории – это территории, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями [3]. Результаты исследований приграничных территорий уникальны, их сложно обобщать, а результаты анализа одних случаев приграничного взаимодействия проблематично использовать в дальнейшем для прогнозирования развития ситуации в других. Национальные особенности законодательства, уровень экономического развития, политическое влияние, инфраструктура, религиозное и культурное наследие формируют уникальность процесса взаимодействия между граничащими государствами на микро- и макроуровне.

Часто к приграничным регионам относят территории в установленных административных границах субъектов страны. Однако прямое соседство может распространять свое влияние и вглубь национальной территории. Это может быть связано со спецификой гравитационного влияния экономически более развитых центров, а также с неразвитостью транспортной инфраструктуры.

Ключевым понятием, собирающим в себе и учитывающим множественность факторов, которые оказывают влияние на социально-экономическое развитие территории, является «экономико-географическое положение». По определению Н.Н. Баранского, это «отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение... Чрезвычайно важно положение данной страны (или района, города) к путям, рынкам, крупным центрам» [4, с. 129].

Мировая экономика в современных условиях характеризуется все большей фрагментарностью. Поэтому тезис «прозрачности границ» [5], используемый при описании открытости приграничных территорий для экономического взаимодействия, становится невостребованным в современных реалиях. Утверждение известного японского экономиста Киничи Омае [6], что в результате развития глобализационных процессов государство самоликвидируется, а на смену ему придут «регионы-государства» – самодостаточные экономические комплексы, которые будут взаимодействовать друг с другом, минуя уровень государства, – оказалось утопией. По крайней мере пока сохраняются возможности и желание отдельных государств отстаивать свой суверенитет, самоидентичность и независимость, такой сценарий маловероятен.

Новый миропорядок в виде «мира без границ» представляется возможным при установлении единых правил и единого центра принятия решений. Это предполагает единственного глобального суверена, с чем сегодня многие страны согласиться не могут. Большинство участников интеграционных процессов не готовы ставить экономическую целесообразность «контактности» выше необходимости обеспечения национальной безопасности и возможности в одностороннем порядке контролировать трансграничные потоки.

Одним из основных экономических аспектов приграничного положения той или иной территории, который влияет на ее социально-экономическое развитие и поэтому вызывает интерес у исследователей, являются трансграничные потоки. Развернутую классификацию этих потоков в области движения человеческого капитала, товаров, финансовых ресурсов, а также инфраструктуры разработал английский исследователь Дж. Хауз [7]. Он делал свои выводы на основе изучения границы между США и Мексикой, которая интересна разным уровнем социально-экономического положения граничащих друг с другом государств.

Необходимо учитывать, что территория может быть приграничной, но при этом иметь слабые контакты с территориями по другую сторону границы. О. Дж. Мартинесом [8] и Дж. Хаузом была разработана классификация приграничных территорий, которая затем была усовершенствована Б. ван дер Мартином Вельде [9]:

- отчужденные приграничные территории: приграничные связи отсутствуют из-за военных действий, политических диспутов, сильных националистских тенденций, идеологической или религиозной среды, культурных различий или этнического соперничества;
- сосуществующие приграничные территории: наличествует некоторая степень экономического и культурного взаимодействия;
- взаимозависимые приграничные территории: полное взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах, насколько это возможно в условиях все еще действующей границы;
- интегрированные приграничные территории: высшая степень интеграции, свободное движение людей, товаров, денежных потоков и идей.

Разная степень взаимодействия приграничных регионов со смежными странами и их регионами, сказывается на их экономическом развитии. В связи с этим экономическое содержание «эффекта приграничности» в условиях интеграции выражается в динамике внешних связей приграничных территорий и развития их экономики. Эти эффекты могут возникать в результате взаимодействия субъектов хозяйствования, получающих от этого дополнительный доход, но правила этого взаимодействия определяются национальными и интегра-

ционными институтами. В этом контексте приграничное положение регионов и соответственно близость к рынкам партнеров по интеграции рассматривалось как ресурс их развития. Однако в случае Союзного государства эта гипотеза оправдалась далеко не полностью.

Российско-белорусские приграничные регионы в условиях Союзного государства и ЕАЭС

Значительный вклад в изучение вопросов трансграничного взаимодействия внесли российские и белорусские исследователи: В.Л. Бабурин, Л.Б. Вардомский, И.С. Гуменюк, Т.Ю. Кузнецова, В.А. Колосов, А.П. Клемешев, А.П. Катровский, В.С. Корнеевец, Г.М. Федоров, Л.Ф. Трацевская, В.С. Фатеев, И. Точицкая, А.В. Шурубович и др.

Для российско-белорусского приграничья характерна достаточно слабая реализация ряда преимуществ особого приграничного местоположения либо нивелирование преимуществ какими-либо другими негативными социально-экономическими процессами. Причем, как отмечают в своей статье А.Н. Михайленко и И.И. Арсентьева [10], после создания Единого экономического пространства и Таможенного союза все преимущества для рассматриваемых приграничных территорий сократились, что, соответственно, весьма негативно отразилось на количестве и характере межстрановых проектов по взаимодействию в этой области. «Данная ситуация вполне объяснима, ведь в ходе интеграции принципиально меняются условия торговли между странами. То, что раньше можно было назвать локальными приграничными преференциями, сегодня распространяется на всю территорию России, Казахстана и Белоруссии...» [10, с. 88]. В результате «эффект приграничности» и «эффект интеграции», реализуясь одновременно, могут трансформировать экономику приграничных регионов, создавая отличную от страны в целом институциональную среду. Интеграция размывает идентичность экономики приграничных регионов тем сильнее, чем меньше различий в ведении экономической деятельности и повседневной жизни граждан по обе стороны существующей или существовавшей когда-то границы. Дезинтеграция усиливает приграничные контрасты и может формировать экономическую целесообразность взаимодействия организаций на региональном уровне, например, спекуляцию отдельными группами товаров.

Большое внимание исследованию трансформации институциональной среды регионов российско-белорусского приграничья уделено в работах К.А. Морачевской. Она рассматривает ключевые последствия государственных интеграционных процессов для экономического развития российско-белорусского приграничья и также приходит к выводу, что эти процессы имели как положительные, так и отрица-

тельные стороны [11]. В частности, из-за свободного перемещения товаров через российско-белорусскую границу усилилась конкуренция на смоленском рынке продовольственных товаров, что привело к вытеснению смоленской продукции более дешевой белорусской.

В одной из своих последних работ К.А. Морачевская подробно рассматривает существующие в настоящее время определения понятия «приграничность» [12, с. 47] и делает вывод, что ключевым фактором, оказывающим влияние на развитие приграничной территории, является экономическая мощь соседней страны [12, с. 50].

Впервые к выводу о том, что приграничные регионы России и Беларуси развиваются более медленно по сравнению с экономиками своих стран, пришли А.П. Катровский и Г.В. Ридевский [13]. Они выдвинули гипотезу, что межстоличное положение снижает экономический потенциал Смоленской, Витебской и Могилёвской областей за счет оттока человеческих и финансовых ресурсов. Проведенные автором исследования подтверждают этот вывод [14, с. 49].

Были сопоставлены темпы роста реального ВРП отдельно для регионов РБ (см. табл. 1) и некоторых регионов ЦФО РФ (см. рис.) за доступный для анализа временной период (с 2008 по 2020 г.).

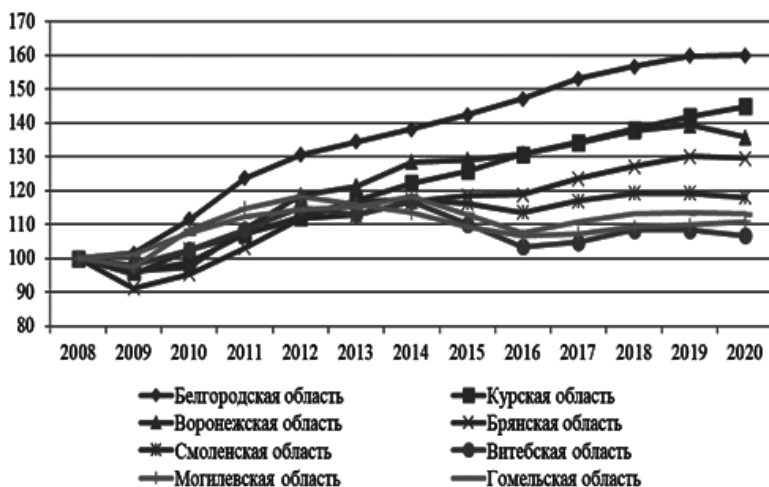
Таблица 1

Динамика индекса ВРП регионов РБ в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., в % (рассчитано с помощью индекса физического объема)

Область	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брестская	100,0	100,6	112,0	114,2	115,6	117,5	119,9
Витебская	100,0	98,0	102,5	108,6	115,1	113,0	116,8
Гомельская	100,0	101,2	107,4	112,3	114,4	115,1	118,4
Гродненская	100,0	101,4	108,4	114,6	118,8	123,1	128,8
г. Минск	100,0	97,7	106,4	122,4	117,5	119,6	119,9
Минская	100,0	100,6	120,9	129,4	137,5	143,3	150,5
Могилёвская	100,0	97,4	108,5	114,8	118,4	116,0	113,4
ВРП РБ	100,0	99,4	109,7	118,3	120,3	122,2	125,0
Область	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Брестская	114,1	113,3	117,3	120,7	124,1	124,0	
Витебская	110,2	103,5	104,8	107,8	108,4	106,7	
Гомельская	113,0	107,6	110,9	113,4	113,4	113,2	
Гродненская	121,3	119,3	122,6	127,5	127,2	127,3	
г. Минск	114,5	110,5	114,2	119,4	121,6	118,8	
Минская	148,1	147,2	154,4	158,3	165,9	164,7	
Могилёвская	109,4	106,6	107,4	109,1	109,8	110,8	
ВРП РБ	119,9	116,6	120,3	124,1	126,5	125,4	

Рассчитано автором по: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 19.03.2023).

Процесс интеграции РФ и РБ начался почти сразу после распада СССР. Практически ежегодно начиная с 1992 г. принимались нормативные акты, содействовавшие снятию барьеров для взаимной торговли и кооперации. Однако это не способствовало опережающему росту по ВРП Витебской и Могилёвской областей в сравнении с другими регионами.

Источник: рассчитано автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

Рис. Сравнение динамики ВРП областей Днепро-Двинского региона (ДДР) и регионов северо-восточного участка российско-украинской границы в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., в %

Анализ динамики реального ВРП некоторых регионов российско-белорусского и российско-украинского приграничья за период с 2008 по 2020 г. показывает общее отставание темпов роста трех регионов так называемого Днепро-Двинского региона (Смоленская, Витебская и Могилёвская области) [15, с. 10]. При этом были выявлены следующие закономерности: темпы роста ВРП регионов РБ и РФ, расположенных вдоль границы, увеличиваются строго с севера на юг; темпы роста ВРП российских приграничных регионов выше белорусских.

Анализ оборота розничной торговли на душу населения в Смоленской области свидетельствует о его незначительном уменьшении относительно общероссийского значения – с 84,4% в 2000 г. до 80,5% в 2020-м [16, с. 95]. Для Витебской и Могилёвской областей характерны те же тенденции в динамике изменения оборота розничной торговли, что и в Смоленской области. В сравнении с 2010 г. увеличилось отставание от среднего по Беларуси значения анализируемого показателя: в Витебской области – с 92,8 до 84,7%, а в Могилёвской области – с 85,7 до 79,2% [16, с. 95].

За последние 20 лет сохранилось значительное отставание сектора услуг Смоленской области от среднего по России. Как видно из табл. 2, сектор услуг региона рос быстрее средних значений по стране до 2010 г., затем снова началось неравномерное отставание. В Могилевской и Витебской областях наблюдается похожая ситуация с ростом или снижением объема платных услуг относительно среднего по стране уровня.

Таким образом, подтверждается отставание ряда приграничных регионов российско-белорусского приграничья от средних по стране значений социально-экономических индикаторов. Такой эффект может быть обусловлен не только приграничным положением, но и межстоличным фактором, возникающим в условиях межгосударственной интеграции государств, столицы которых находятся на незначительном расстоянии – чуть более 710 км.

Таблица 2

Объем платных услуг населению на душу населения

Год/ регион	Смоленская область		Витебская область		Могилевская область	
	\$*	%	\$*	%	\$*	%
2000	81,3	55,2	66,1	74,8	59,6	67,4
2005	311,0	55,6	264,7	81,3	229,3	70,4
2010	770,4	67,6	470,3	84,8	443,9	80,0
2012	906,3	66,8	391,8	82,9	377,8	79,9
2013	969,6	64,0	533,8	83,0	520,9	81,0
2014	863,9	65,2	565,9	72,5	550,6	70,5
2015	573,8	63,9	382,2	72,4	348,9	66,1
2016	570,9	64,8	344,9	69,9	320,3	64,9
2017	604,7	56,2	387,0	69,9	356,4	64,3
2018	586,7	55,7	412,8	68,2	390,6	64,5
2019	590,9	54,8	433,8	66,6	414,5	63,6
2020	484,1	56,8	374,9	68,7	358,4	65,7

Расчитано автором по: средневзвешенный годовой курс ЦБ РФ и НБ РБ. Регионы России. Социально-экономические показатели.2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 19.12.2021); Смоленская область в цифрах. 2021. Смоленск. Краткий стат. Сб., 2021.

Примечание: \$* – пересчет фактически действовавших цен показателя в доллары США; % – отношение показателя в регионе к значению по стране в целом.

Значительно отстают регионы Днепро-Двинья от средних значений по своей стране и по показателю среднедушевых номинальных денежных доходов населения (см. табл. 3).

Среднедушевые номинальные денежные доходы населения*

Год/ регион	Смоленская область		Витебская область		Могилевская область	
	\$*	%	\$*	%	\$*	%
2000	61,1	75,4	59,4	91,4	56,8	87,3
2005	193,7	67,8	132,4	85,6	127,4	82,4
2010	478,9	76,7	281,9	88,2	276,3	86,4
2012	589,1	78,8	303,1	89,3	302,1	88,9
2013	579,2	71,9	385,9	88,0	382,9	87,3
2014	531,2	74,7	402,6	88,7	387,1	85,3
2015	386,0	78,2	274,0	87,9	262,8	84,3
2016	353,2	76,5	224,8	86,5	221,5	85,2
2017	424,7	77,6	249,1	85,2	248,1	84,9
2018	413,0	77,8	268,0	85,0	265,7	84,3
2019	423,5	77,5	292,5	84,7	287,9	83,4
2020	390,3	78,0	275,5	83,9	271,0	82,5

Рассчитано автором по: средневзвешенный годовой курс ЦБ РФ и НБ РБ. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 19.12.2021); Регионы Республики Беларусь. 2021. Т. 1. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41220/ (дата обращения: 19.03.2023).

Примечание: \$* – пересчет показателя в доллары США; % – отношение показателя в регионе к значению по стране в целом.

Проблемы сотрудничества приграничных регионов рассматривались в работе сотрудников Института экономики Национальной академии наук Беларуси П.Г. Никитенко и Т.С. Вертинской. Ими было детально изучено влияние формирования Союзного государства на внешнюю торговлю России и Беларуси [17]. Т.С. Вертинская, исследуя процесс возникновения и развития трансграничных связей в российско-белорусском приграничье, отмечает, что, по ее мнению, связи между субъектами хозяйствования или носят исторически сложившийся характер, или возникают стихийно под воздействием рыночных сил [18]. Также Т.С. Вертинская констатирует, что до сих пор нет всестороннего анализа структуры, тенденций развития единого экономического пространства ЕАЭС в региональном срезе [19].

Среди исследований последних лет по вопросам региональной интеграции выделяются работы Д.И. Ушкаловой. Она пытается аккумулировать наработки многих зарубежных и отечественных исследователей и развеять основные мифы о международной интеграции, в том числе с участием Российской Федерации [20]. При этом она делает

интересный вывод: «конкретное соотношение “плюсов” и “минусов” участия в интеграционных процессах является уникальным и зависит от комплекса специфических факторов, нередко сложно прогнозируемых. В этих условиях экономическая интеграция, как представляется, в значительной степени утратила свое значение в качестве мощного активатора экономического развития» [20, с. 134].

Эффекты приграничности в ЕС и других странах

В зарубежных исследованиях одним из основателей интеграционной теории, которая продолжает использоваться и одновременно изменяться под влиянием новых научных знаний, в том числе теории международной торговли, принято считать Джейкоба Винера [21]. Фактически он один из первых структурировал и описал «плюсы» и «минусы» экономической интеграции, а также предложил методику статистического анализа для определения эффектов интеграции: «эффект создания торговли» и «эффект отклонения торговли». Винер выделил условия, определяющие вероятность того, что таможенный союз через свободу торговли будет способствовать повышению уровня благосостояния населения.

Вместе с тем межгосударственная интеграция не учитывает специфику взаимоположения регионов интегрирующихся государств. Гравитационные модели доказали, что расстояние может значительно влиять на объемы торговли между странами. В условиях Российской Федерации, занимающей по территории первое место в мире, расстояние является важным фактором для изменения объема международной двусторонней торговли. Экономическая целесообразность внешней торговли может быть у приграничных регионов, в то время как в масштабах страны она нерентабельна. Помимо расстояния международные торговые модели не учитывают мобильность факторов производства, что является неотъемлемым элементом интеграции и особенно сильно может влиять на занятость и переток капитала на приграничных территориях.

Начальные попытки преодолеть описанные выше недостатки торговых моделей, используя одновременно идеи теории интеграции и международной торговли, принадлежали Бертилю Олину [22]. Современные исследования также подтверждают значимость экономико-географического положения территории в инфраструктурном аспекте. Например, регионы с крупными портами и крупными транспортными магистралями, через которые осуществляется международная торговля, привлекают экономическую активность в связи с преимуществом по затратам на доступ к зарубежным рынкам. Поэтому приграничные регионы получают логистические преимущества по

снижению стоимости импортируемых товаров и затратам на экспортные операции. В случае интеграционного процесса между странами стоимость экспортно-импортных операций в приграничье может быть ниже затрат на выстраивание торговых связей с регионами, находящимися внутри страны, но слабо связанными логистически.

Одной из первых работ, посвященных пространственным эффектам экономической интеграции, является труд Августа Лёша [23]. Он подходил к вопросу размещения экономических агентов по географическому признаку, считая, что целесообразность их деятельности связана с дальностью расстояния, на которое организации выгодно поставлять свой товар. В случае если государственная граница препятствует перемещению товаров и тем самым снижает экономическую целесообразность приграничного сотрудничества, как альтернативы для развития торговых связей внутри страны, то размещение предприятия в приграничье нерационально. Соответственно, отсутствие барьеров приграничной торговли создает равнозначный экономический ландшафт для торговли как внутри страны, так и на территории соседнего государства. Таким образом, межгосударственная интеграция может повышать экономическую целесообразность размещения хозяйствующих субъектов в приграничных регионах. Организации, для которых внутренний рынок стал уже недостаточен, получают возможность масштабирования, размещая свои предприятия вблизи границы, тем самым охватывая большую рыночную зону. В то же время усиливается конкуренция на приграничных рынках по тем товарам и услугам, производители которых адаптировались к условиям барьерных границ и концентрировались на удовлетворении потребностей местных потребителей.

В североамериканской и европейской науке значительное количество исследований было направлено на выявление эффектов приграничности, возникающих при отсутствии или ограничении интеграции. Они оцениваются путем сравнения интенсивности внутригосударственных и международных торговых потоков в рамках гравитационной модели. Исследования последних лет так и не смогли опровергнуть вывод, сделанный Джоном МакКаллумом [24]: регионы, вероятно, будут торговать с зарубежными регионами примерно в пятнадцать раз меньше, чем с регионами в той же стране. У Джона Хеллиуэла [25] эта разница составляет еще больше – двадцать раз. Пограничные торговые эффекты все же различны для разных типов стран. Наименьшие значения – для стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в то время как наибольший эффект – для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Метаанализ, проведенный Томасом Хавранekom и Зузаной Ирсовой на основании 1271 оценки из 61 исследования, свидетельствует о среднем сокращении

международной торговли на 28% из-за границ [26, р. 34]. Интеграция в рамках ЕС позволяет сократить пограничный эффект, что показано в работе Фолькера Нитча [27]. Кит Хед и Тьерри Майер [28] приходят к аналогичному выводу и дополняют его тем, что международная торговля после снятия барьеров может замедлять рост из-за предпочтений местных потребителей, склонных приобретать отечественные товары. Согласно исследованию, проведенному Эндрю Роузом и Эриком ван Винкупом [29], национальные валюты также представляют собой барьеры для торговли.

Еще одним типом исследований являются работы авторов, изучающих эффект от интеграции. В них анализируются изменения в доступе к рынкам, возникающие в ходе интеграции. Эти исследования основаны на концепции рыночного потенциала, которая была предложена Чонси Харрисом [30]. Рыночный потенциал представляет собой взвешенную сумму покупательной способности в разных местах, причем веса обратно пропорциональны расстоянию между областями или транспортным расходам, включая пошлины [31]. Потенциальный доход от инвестиций и транспортная доступность формируют инвестиционную привлекательность для региона. Поэтому предполагается, что преимущества от интеграции получают наиболее густонаселенные и инфраструктурно развитые территории. В то же время некоторые европейские исследователи отрицают связь между рыночным потенциалом территорий и региональным развитием [32; 33]. При этом приграничные регионы в центре Европы уже обладали относительно высоким потенциалом до начала интеграции. Положительный эффект от интеграции в Европе для приграничных регионов индивидуален и проявляется в совокупности с другими факторами, характерными для рассматриваемой отдельно территории.

Результаты исследований, посвященных анализу значимости рыночного потенциала, показывают, что доступ к рынку – это фактор, подчеркиваемый теорией местоположения и новой экономической географией, который действительно может быть решающим в региональном развитии. Однако эмпирические данные, касающиеся актуальности рыночного потенциала, по-прежнему недостаточны, поскольку оценки существуют только для Европейского союза и ОЭСР. Исследования основывались на оценке дифференциации заработных плат в различных регионах страны как в ЕС, так и в Мексике. В целом были получены вполне ожидаемые выводы о росте оплаты труда при движении от периферийных регионов к центральным или столичным. До настоящего момента не существует достоверных доказательств, что интеграция и снятие торговых барьеров трансформируют приграничные регионы в центральные. Поэтому невозможно однозначно

утверждать, что рост экономического потенциала приграничья вследствие интеграции будет способствовать его развитию.

Однако ряд исследований подтверждают, что приграничные регионы могут выигрывать от региональных торговых соглашений. Гордон Хэнсон [34] анализирует влияние процесса интеграции между США и Мексикой на размещение экономической деятельности в интегрирующихся странах. В результате перемещения части сборочных предприятий ближе к границе между приграничными регионами выросла в первую очередь внутриотраслевая торговля. Мексиканский бизнес стремился переместить производство ближе к рынку США, поэтому экономическая активность в приграничных регионах расширилась. Из анализа работ, посвященных интеграции США, Мексики и Канады, можно сделать вывод, что при интеграции крупных по территории государств может происходить перемещение экономической активности к общей границе интегрирующихся стран.

Сотрудница Гамбургского института международной экономики Сильвия Стиллер уделяет значительное внимание в своих работах интеграционному эффекту, вызванному новой волной евроинтеграции в восточном направлении. Характер исследований и выводов можно назвать частным, так как страны, включенные в состав ЕС, значительно дифференцированы по структуре экономики, площади, размещению населения и его численности. В одной из своих работ она подтверждает, что приграничные регионы Германии и Польши имеют после интеграции более интенсивные торговые отношения, чем страны в целом [35]. При этом специфика развития приграничных территорий этих стран не выбивается из общих тенденций, характерных для каждой из них. Исключением является занятость, которая снижается в приграничье, когда на национальном уровне преобладает тенденция к росту. Также автор отмечает, что опыт европейской интеграции в целом свидетельствует о значительном временном периоде, в течение которого сегментация рынков по национальному признаку утрачивает свое значение.

Герберт Гирш [36] полагал, что в результате европейской интеграции территории, имевшие преимущества за счет национальных агломераций, проиграют, а выиграют отдельные регионы, которые страдали от угнетающего влияния национальных границ.

Результаты исследований европейской интеграции показывают, что снижение юридических и физических пограничных препятствий не означает равнозначное снижение барьеров для взаимодействия граждан и бизнеса [37]. Эти пограничные эффекты являются результатом дефицита трансграничной инфраструктуры, институциональных и административных, культурных и языковых различий, а также социальных или психологических барьеров. Рынки труда по обе стороны

границы остаются в значительной степени разделенными, несмотря на формальное установление свободного движения рабочей силы. В результате безработица и заработная плата по одну сторону границы практически не зависят от условий рынка труда по другую ее сторону. При этом также европейскими исследователями отмечается усиление конкуренции между приграничными регионами интегрирующихся стран [38].

Эффект от интеграции, рассматриваемый новой экономической географией (NEG) П. Крутмана [39; 40], указывает на изменение пространственного равновесия в приграничных регионах. Оно происходит вследствие изменения стоимости международных перевозок и упрощения трансграничного перемещения факторов производства. Новые экономико-географические модели позволяют показать, что интеграция изменяет распределение населения, производственных факторов и экономических субъектов между странами, а также внутри страны. Миграция рабочей силы изменяет национальную факторную обеспеченность и, как следствие, международное расположение промышленных объектов.

Модели NEG указывают на то, что в результате интеграции приграничный регион, занимавший периферийное положение в национальном масштабе, начинает занимать одно из центральных. Вследствие слияния рынка между странами происходит увеличение регионального рынка в приграничных регионах. Большой эффект от взаимодействия возможен при высоком уровне вертикальной интеграции между организациями приграничья и иностранными контрагентами [25]. Новая экономическая география рассматривает преимущества от интеграции для резидентов приграничья с точки зрения пространственного расположения. Однако следует помнить, что это лишь теоретическое предположение. На практике компании из российско-белорусского приграничья могут не обладать достаточным набором конкурентных преимуществ перед хозяйствующими субъектами из других регионов, чтобы воспользоваться возможностями межгосударственной интеграции для наращивания объемов сбыта. Кроме того, снятие правовых ограничений на перемещение товаров и факторов производства не ликвидирует инфраструктурные барьеры, а также может не содержать потенциальной выгоды для инициации экспорта. Например, транспортные расходы по перемещению сборных грузов из российских приграничных регионов в Беларусь выше, чем из других регионов России, также как и отправка грузов из регионов Беларуси в приграничные российские регионы [41, с. 113].

Многофакторность влияния интеграции на развитие приграничных регионов не дает возможности применять типовые методики для оценки ее последствий. Модели новой и новейшей теории торговли,

а также новая экономическая география расширяют инструментарий проводимых исследований, но не дают исчерпывающего понимания специфики приграничного положения и однозначного ответа на вопрос о положительных и отрицательных последствиях интеграционного процесса для региональной экономики. Каждый интеграционный процесс, как и специфика экономики приграничных регионов, уникален, поэтому для оценки последствий интеграции нужно проводить эмпирическое исследование, на основании которого будет формироваться своя новая уникальная теория интеграционного процесса. Другими словами, последствия европейской интеграции или интеграции между США, Мексикой и Канадой будут существенно отличаться от последствий интеграции Российской Федерации с другими странами. Даже те факторы, которые приводят к экономическому развитию российско-белорусских приграничных регионов, могут давать иной эффект в рамках интеграции на российско-казахстанском участке. Многофакторность формирует сложность управления территориями и межгосударственного диалога, направленного на учет интересов всех заинтересованных в интеграции сторон.

На основе теории Кругмана в 2003 г. была написана работа Марка Мелица [42], где он в модель Кругмана включает фирмы. Модель подразумевает, что более крупные компании – более производительные, а значит, могут выигрывать конкурентную борьбу за счет снижения себестоимости благодаря эффекту масштаба. В любой момент времени есть успешные компании, которые расширяются, и есть те, которые не выдерживают конкуренции и вынуждены уйти с рынка. Экспортные компании реагируют на экономические шоки крайне чутко, поэтому, отслеживая их реакцию на интеграционные процессы, можно предсказать реакцию других экономических субъектов.

С точки зрения снижения торговых барьеров, модель Мелица говорит о том, что при вхождении небольшой страны в крупный торговый союз из отраслей уходят неэффективные производители. Это плохо для неконкурентоспособных компаний, но эта либерализация способствует выходу на экспортные рынки предприятий среднего звена. Больше всех от такой политики выигрывают крупные компании, так как они растут быстрее и захватывают большую долю рынка. Также существует такой факт, как влияние снижения торговых барьеров на ассортимент товаров, особенно при производстве в смежных областях. Есть компании, которые выигрывают от либерализации, но есть и те, которые сворачивают производство из-за нее. Происходит перераспределение рабочей силы на рынке и изменение долей компаний.

Еще одним заметным изменением в международной торговле является рост торговли промежуточными товарами и услугами. Традиционные теории торговли и теория Кругмана исключают торговлю

промежуточными товарами и не могут объяснить разделение производства товаров по странам и регионам. Ё. Сиозава [43] и Т. Фудзимото [44] в своей торговой модели, которую называют «новой» новой теорией торговли, анализируют, как конкурируют между собой разные иностранные производственные площадки, принадлежащие одним и тем же или разным фирмам, расположенным в разных странах мира.

Важность и возможность оценки эффекта интеграции для экономики приграничных регионов находит свое подтверждение в положительных и отрицательных последствиях этого процесса, отраженных в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Так, С. Стиллер и А. Нибур, изучая влияние интеграционных процессов на развитие приграничных территорий, выделяют и описывают положительные и отрицательные эффекты этого явления [45]. По их мнению, приграничные регионы могут иметь преимущество в привлечении ресурсов из-за нахождения их в центре интеграции государств. Также улучшает положение приграничных регионов близость к внешнему рынку – это обеспечивает дополнительный спрос. Однако, по мнению С. Стиллер и А. Нибур, может сложиться ситуация, при которой экономическому росту противостоят внутрирегиональные силы, которые пытаются сохранить доинтеграционную структуру региональной экономики. В результате эти исследователи пришли к выводу о том, что пространственный эффект интеграции зависит от конкретных обстоятельств. Приграничные регионы могут и выиграть, и проиграть от интеграции, при этом Стиллер и Нибур приводят как теоретические, так и эмпирические доказательства этого тезиса.

Джеймс Мид выделил условия, при выполнении которых позитивные эффекты создания таможенного союза будут перевешивать негативные [46].

Поль де Грауве делает вывод о поляризации регионального развития. Им установлено, что в результате интеграционных процессов волатильность в экономике стран-союзников усилилась, что сопровождается большими спадами и подъемами внутри экономических циклов. Страны и регионы утрачивают в результате интеграции иммунитет к негативным экономическим процессам, происходящим в соседних странах или в странах-союзниках [47].

За последние десятилетия возникло несколько экономических школ, сопряженно изучающих интеграционные эффекты и приграничное сотрудничество в Европе. Одним из ключевых тезисов региональной политики стала «территориальная сплоченность», направленная на выравнивание социально-экономических различий на всей территории Европейского союза [48]. Реализация этого замысла в приграничных регионах осуществляется через создание еврорегионов, основная цель которого – объединение усилий приграничных районов

западноевропейских стран для преодоления их относительной отсталости в социально-экономической сфере и определенной изолированности по отношению к центру [49]. Само создание и применение этого инструмента региональной политики свидетельствует о слабом влиянии интеграционных импульсов на развитие периферийных (приграничных) территорий по сравнению с развитием центральных.

Заключение

По результатам анализа работ зарубежных и отечественных авторов, посвященных исследованиям экономических эффектов приграничного положения в условиях интеграционного процесса или возрастающей барьерности границ, можно сделать несколько выводов.

1. Теоретический задел исследований и знаний по приграничному положению и интеграции сложно систематизировать. Это обусловлено разными подходами к оценке эффекта приграничного положения для социально-экономического развития. В целом можно выделить группу исследователей, уделяющих внимание оценке влияния барьерности границ на международную торговлю. Отдельно можно классифицировать работы по изучению гравитационных эффектов в приграничье. Некоторые авторы изучают более узкие темы, связанные с изменениями на рынке труда в приграничье в результате интеграции. И, наконец, наибольшее число исследований фокусируется на теоретическом осмыслении эмпирических данных взаимодействия отдельно взятых стран (ЕС, ОЭСР и др.), а также последствий интеграционного процесса между ними.

2. Остается нерешенным вопрос о том, как определять размер приграничных территорий с точки зрения экономических эффектов. Примыкание региона с административно заданными рамками к границе не означает равномерность распространения приграничного эффекта по всей его площади. Из-за этого возникает проблема эффективного управления социально-экономическим развитием таких территорий и сглаживания последствий барьерности и прозрачности границ.

3. Межгосударственный интеграционный процесс повышает энтропию в приграничье, одновременно предоставляя возможности для развития одних секторов и создавая ограничения для других. Это требует вовлеченности государства в процесс управления интеграционными эффектами в приграничье. Для реализации возможностей межстоличного и приграничного положения Днепро-Двинского региона, а также для противодействия новым вызовам в условиях интеграции необходимо разрабатывать единую стратегию социально-экономического развития ДДР. Документ должен регулировать стратегические цели и приоритеты для Смоленской, Витебской и Могилёвской обла-

стей, а также генерировать общие проекты, интересные российским и белорусским хозяйствующим субъектам. Возможно, это позволит преодолеть отставание социально-экономических индикаторов этих регионов от средних значений, характерных для их стран.

4. Новая и новейшие теории торговли, а также новая экономическая география предоставляют дополнительные возможности для оценки приграничных эффектов интеграции. Однако не существует единой методики анализа последствий межгосударственной интеграции для приграничных или для других регионов. Многофакторность обуславливает необходимость эмпирических исследований отдельно для каждого приграничного региона и для каждого этапа межгосударственной интеграции. Интеграционный эффект – динамическое явление, изменяющееся с течением времени, что еще больше усложняет исследовательскую деятельность и управление приграничными территориями.

5. Снятие юридических и физических пограничных ограничений не означает, что ликвидирована барьерная функция границы. Экономическое взаимодействие в приграничье может быть низким из-за дефицита трансграничной инфраструктуры, институциональных и административных, культурных и языковых различий, а также социальных или психологических барьеров.

6. Интеграционный процесс – сложное явление, требующее всестороннего планирования, политической воли и экономической заинтересованности различных субъектов хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вардомский Л.Б., Голицына И.И., Самбунова Е.Н. Государственные границы и региональное развитие: политико-географический аспект // Политическая география: современное состояние и пути развития. М., 1989. С. 35–46.
2. Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. 2000. № 2 (27). С. 54–64.
3. Арсентьева И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 6(85). С. 24–29.
4. Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // Становление советской экономической географии. М., 1980.
5. Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М., Волгоград: НОФМО, 2002.
6. Ohmae K. The End of the National State: The Rise of Regional Economics. N.Y.: Harper Collins, 1995.
7. House J.W. Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.
8. Martinez O.J. Border People. Life and Society in the U.S. Mexico Borderlands. Tuscon: The University of Arizona Press, 1994.

9. *Velde B. van der Martin*. So Many Regions, So Many Borders. A Behavioural Approach in the Analysis of Border Effects // Paper Prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association (Rome, Italy, Aug. 26–29, 1997). Rome, 1997.
10. *Михайленко А.Н., Арсентьева И.И.* Приграничное сотрудничество России, Белоруссии и Казахстана в контексте евразийской интеграции // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 4. С. 87–93.
11. *Морачевская К.А.* Влияние государственных интеграционных процессов на развитие российско-белорусского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / под ред. Л.Б. Вардомского, Л.И. Попковой. Курск, 2017. С. 267–274.
12. *Морачевская К.А.* Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центр-периферийных градиентов // Региональные исследования. 2022. № 3(77). С. 44–53.
13. *Катровский А.П., Ридевский Г.В.* Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 128–136.
14. *Кузавко А.С.* Экономический рост и структурные отраслевые сдвиги в Днепро-Двинском регионе // Региональные исследования. 2020. № 4(70). С. 46–57.
15. *Кузавко А.С., Катровский А.П., Ридевский Г.В.* Эволюция потребительского рынка Днепро-Двинского региона: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019.
16. *Кузавко А.С.* Особенности развития потребительского рынка в Московско-Минском межстоличье // Региональные исследования. 2022. № 1(75). С. 93–101.
17. *Никитенко П.Г., Вертинская Т.С.* Белорусско-российское приграничное сотрудничество как фактор формирования Союзного государства Беларуси и России // Неприкосновенный запас. 2006. № 3. С. 86–99.
18. *Вертинская Т.С.* Межрегиональные связи Беларуси со странами – членами ЕАЭС // Наука и инновации. 2019. Т. 1, № 191. С. 17–20.
19. *Вертинская Т.С.* Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС. Минск, 2018.
20. *Ушкалова Д.И.* Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 4. С. 120–137. <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-effekty-regionalnoy-integratsii-mify-i-realnost>.
21. *Viner J.* The Customs Union Issue. New York, 1950.
22. *Ohlin B.* Interregional and International Trade. 3rd edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967.
23. *Lösch A.* Die räumliche Ordnung der Wirtschaft, 2. Auflage, 1944.
24. *McCallum J.* National Borders Matter: Canada – U.S. Regional Trade Patterns // American Economic Review. 1995. Vol. 85. Pp. 615–623.
25. *Helliwell J.F.* How Much do National Borders Matter. Washington: The Brookings Institution, 1997.
26. *Havranek T., Irsova Z.* Do Borders Really Slash Trade? A Meta-Analysis // IMF Economic Review. 2017. Vol. 65. No 2. Pp. 365–396. <https://doi.org/10.1057/s41308-016-0001-5>.
27. *Nitsch V.* National borders and international trade: evidence from the European Union // Canadian Journal of Economics. 2000. Vol. 22. No. 4. Pp. 1091–1105.

28. *Head K., Mayer T.* Non-Europe: The Magnitude and Causes of Market Fragmentation in the EU // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 2000. Vol. 136. No. 2. Pp. 284–314.
29. *Rose A.K., Wincoop E. van.* National Money as a Barrier to International Trade: The Real Case for Currency Union // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 2. Pp. 386–390.
30. *Harris C.* The Market as a Factor in the Localization of industry in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 1954. Vol. 44. Pp. 315–348.
31. *Keeble D., Owens P.L., Thompson Ch.* Regional Accessibility and Economic Potential in the European Community // *Regional Studies*. 1982. Vol. 16. No. 6. Pp. 419–432.
32. *Bröcker J.* Räumliche Wirkungen der europäischen Integration – ein Survey // *Jahrbuch für Regionalwissenschaft*. 1990. Vol. 11. Pp. 43–63.
33. *Peschel K.* Die Wirkungen der europäischen Integration auf die Regionalentwicklung. Lehren aus der Vergangenheit, Informationen zur Raumentwicklung. 1989. No. 8/9. Pp. 549–565.
34. *Hanson G.H.* Regional adjustment to trade liberalization // *Regional Science and Urban Economics*. 1998. Vol. 28. Pp. 419–444.
35. *Stiller S.* Integration in the German-Polish border region – Status Quo and Current Developments // 43rd Congress of the European Regional Science Association: «Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe», 27–30th August 2003, Jyväskylä, Finland, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve, 2003.
36. *Giersch H.* Der EG-Binnenmarkt als Chance und Risiko // *Kieler Diskussionsbeiträge*. 1988. No. 147.
37. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration and labour markets in European border regions, *Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung* // *Journal for Labour Market Research*, Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB). Nürnberg. 2006. Vol. 39. Iss. 1. P. 71.
38. *Leibenath M., Korcelli-Olejniczak E., Knippschild R.* Cross-border governance and sustainable spatial development. Mind the gaps! Berlin: Springer, 2008.
39. *Krugman P.* *Geography and Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991.
40. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
41. Днепро-Двинский регион в зеркале социологии: Коллективная монография / А.С. Кузавко, И.Ю. Барановский, О.А. Шевченко [и др.]; Смоленский государственный университет, Ассоциация «Агентство Интеграционных инициатив». Смоленск: Смоленский государственный университет, 2019.
42. *Melitz Marc J.* The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrica*. 2003. Vol. 71. No. 6. Pp. 1695–1725.
43. *Shiozawa Y.* The new theory of interantional values; an overview // *A New Construction of Ricardian Theory of International Values* / Y. Shiozawa, T. Oka and T. Tabuchi (Eds.). Singapore: Springer, 2017.
44. *Shiozawa Y., Fujimoto T.* The nature of international competition among firms // *Industrial Competitiveness and Design Evolution* / T. Fujimoto and F. Ikuine (Eds.). Tokyo: Springer Japan, 2018.
45. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration Effects in Border Regions: A Survey of Economic Theory and Empirical Studies. Hamburg, 2002. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19341/1/179.pdf>.

46. Мид Дж. Теория таможенных союзов // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 706–717.
47. *Grauwe P.* Design Failures in the Eurozone: Can they be fixed? LSE 'Europe in Question' Discussion // Paper Series LEQS Paper. 2013. No. 57. http://www.lse.ac.uk/european-institute/Assets/Documents/LEQS-Discussion-Papers/LEQSPaper57.pdf?from_serp=1.
48. *Ruidisch R.* Territorial cohesion and border areas // Borders and Border Regions in Europe. Changes, Challenges and Chances / A. Lechevalier, J. Wielgoths (Eds.), transcript Verlag, Bielefeld, 2013. P. 96.
49. *Ооржак В.О.* Опыт создания приграничных еврорегионов в странах Европейского союза // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 12–3. С. 502–508. <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2028>.

REFERENCES

1. *Vardomsky L.B., Golitsina I.I., Samburova E.N.* State borders and regional development: political and geographic aspect // Political geography: current state and ways of development. M., 1989. P. 35–46. (In Russ.).
2. *Vardomsky L.B.* Border belt of Russia: problems and development trends // Russia and the modern world. 2000. No. 2(27). Pp. 54–64. (In Russ.).
3. *Arsenteva I.I.* The concept of “borderland” in modern scientific discourse // Bulletin of the Transbaikal State University. 2012. No. 6(85). Pp. 24–29. (In Russ.).
4. *Baransky N.N.* Economic and geographical position // Formation of Soviet economic geography. M., 1980. (In Russ.).
5. Transparent borders. Security and cross-border cooperation in the zone of new border territories of Russia / L.B. Vardomsky, S.V. Golunov (Eds.). M; Volgograd: NOFMO, 2002. (In Russ.).
6. *Ohmae K.* The End of the National State: The Rise of Regional Economics. N.Y.: Harper Collins, 1995.
7. *House J.W.* Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.
8. *Martinez O.J.* Border People. Life and Society in the U.S. Mexico Borderlands. Tuscon: The University of Arizona Press, 1994.
9. *Velde B. van der Martin.* So Many Regions, So Many Borders. A Behavioural Approach in the Analysis of Border Effects // Paper Prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association (Rome, Italy, Aug. 26–29, 1997). Rome, 1997.
10. *Mikhailenko A.N., Arsenteva I.I.* Border cooperation between Russia, Belarus and Kazakhstan in the context of Eurasian integration // Actual problems of modern international relations. 2014. No. 4. Pp. 87–93. (In Russ.).
11. *Morachevskaya K.A.* Influence of state integration processes on the development of the Russian-Belarusian border area // Strategy for the development of border areas: traditions and innovations: monograph / L.B. Vardomsky, L.I. Popkova (Eds.). Kursk, 2017. Pp. 267–274. (In Russ.).

12. *Morachevskaya K.A.* Borderline Phenomenon: Approaches to Interpretation and the Role of Center-Peripheral Gradients // *Regional Studies*. 2022. No. 3(77). Pp. 44–53. (In Russ.).
13. *Katrovsky A.P., Ridevsky G.V.* Spatial economic asymmetry as a factor of the Russian-Belarusian transboundary region // *Regional Studies*. 2013. No. 3. Pp. 128–136. (In Russ.).
14. *Kuzavko, A. S.* Economic growth and structural sectoral shifts in the Dnieper-Dvina region // *Regional Studies*. 2020. No. 4 (70). Pp. 46–57.
15. *Kuzavko, A. S., Katrovsky A. P., Ridevsky G. V.* Evolution of the consumer market of the Dnieper-Dvina region Smolensk: Smolensk State University, 2019.
16. *Kuzavko, A. S.* Features of the development of the consumer market in the Moscow-Minsk intercapital region // *Regional studies*. 2022. No. 1 (75). Pp. 93–101.
17. *Nikitenko P.G., Vertinskaya T.S.* Belarusian-Russian cross-border cooperation as a factor in the formation of the Union State of Belarus and Russia. 2006. No. 3. Pp. 86–99. (In Russ.).
18. *Vertinskaya T.S.* Interregional relations of Belarus with the countries – members of the EAEU // *Science and innovations*. 2019. V. 1. No. 191. Pp. 17–20. (In Russ.).
19. *Vertinskaya T.S.* Theoretical and practical foundations for the economic integration of the regions of the EAEU member countries. Minsk, 2018. (In Russ.).
20. *Ushkalova D.I.* Economic effects of regional integration: myths and reality // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4. Pp. 120–137. <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-effekty-regionalnoy-integratsii-mify-i-realnost>. (In Russ.).
21. *Viner J.* The Customs Union Issue. New York, 1950.
22. *Ohlin B.* Interregional and International Trade. 3rd edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967.
23. *Lösch A.* Die räumliche Ordnung der Wirtschaft, 2. Auflage, 1944.
24. *McCallum J.* National Borders Matter: Canada – U.S. Regional Trade Patterns // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. Pp. 615–623.
25. *Helliwell J.F.* How Much do National Borders Matter. Washington: The Brookings Institution, 1997.
26. *Havraneck T., Irsova Z.* Do Borders Really Slash Trade? A Meta-Analysis // *IMF Economic Review*. 2017. Vol. 65. No 2. Pp. 365–396. <https://doi.org/10.1057/s41308-016-0001-5>.
27. *Nitsch V.* National borders and international trade: evidence from the European Union // *Canadian Journal of Economics*. 2000. Vol. 22. No. 4. Pp. 1091–1105.
28. *Head K., Mayer T.* Non-Europe: The Magnitude and Causes of Market Fragmentation in the EU // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 2000. Vol. 136. No. 2. Pp. 284–314.
29. *Rose A.K., Wincoop E. van.* National Money as a Barrier to International Trade: The Real Case for Currency Union // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 2. Pp. 386–390.
30. *Harris C.* The Market as a Factor in the Localization of industry in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 1954. Vol. 44. Pp. 315–348.
31. *Keeble D., Owens P.L., Thompson Ch.* Regional Accessibility and Economic Potential in the European Community // *Regional Studies*. 1982. Vol. 16. No. 6. Pp. 419–432.
32. *Bröcker J.* Räumliche Wirkungen der europäischen Integration – ein Survey // *Jahrbuch für Regionalwissenschaft*. 1990. Vol. 11. Pp. 43–63.
33. *Peschel K.* Die Wirkungen der europäischen Integration auf die Regionalentwicklung. Lehren aus der Vergangenheit, Informationen zur Raumentwicklung. 1989. No. 8/9. Pp. 549–565.

34. *Hanson G.H.* Regional adjustment to trade liberalization // *Regional Science and Urban Economics*. 1998. Vol. 28. Pp. 419–444.
35. *Stiller S.* Integration in the German-Polish border region – Status Quo and Current Developments // 43rd Congress of the European Regional Science Association: «Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe», 27–30th August 2003, Jyväskylä, Finland, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve, 2003.
36. *Giersch H.* Der EG-Binnenmarkt als Chance und Risiko // *Kieler Diskussionsbeiträge*. 1988. No. 147.
37. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration and labour markets in European border regions, *Zeitschrift für ArbeitsmarktForschung – Journal for Labour Market Research*, Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB). Nürnberg, 2006. Vol. 39. Iss. 1. P. 71.
38. *Leibenath M., Korcelli-Olejniczak E., Knippschild R.* Cross-border governance and sustainable spatial development. Mind the gaps! Berlin: Springer, 2008.
39. *Krugman P.* *Geography and Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991.
40. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
41. Dnieper-Dvinsk region in the mirror of sociology: Collective monograph / A.S. Kuzavko, I.Yu. Baranovsky, O.A. Shevchenko [and others]; Smolensk State University, Association “Agency for Integration Initiatives”. Smolensk: Smolensk State University, 2019.
42. *Melitz Marc J.* The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrica*. 2003. Vol. 71. No. 6. Pp. 1695–1725.
43. *Shiozawa Y.* The new theory of interantional values; an overview // *A New Construction of Ricardian Theory of International Values* / Y. Shiozawa, T. Oka and T. Tabuchi (Eds.). Singapore: Springer, 2017.
44. *Shiozawa Y., Fujimoto T.* The nature of international competition among firms // *Industrial Competitiveness and Design Evolution* / T. Fujimoto and F. Ikuine (Eds.). Tokyo: Springer Japan, 2018.
45. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration Effects in Border Regions: A Survey of Economic Theory and Empirical Studies. Hamburg, 2002. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19341/1/179.pdf>.
46. *Meade J.* Theory of customs unions // *Milestones of economic thought*. T. 6. *International Economics* / A.P. Kireeva (Ed.). M.: TEIS, 2006. Pp. 706–717. (In Russ.).
47. *Grauwe P.* Design Failures in the Eurozone: Can they be fixed? LSE ‘Europe in Question’ Discussion // *Paper Series LEQS Paper*. 2013. No. 57. 35 p. http://www.lse.ac.uk/european-institute/Assets/Documents/LEQS-Discussion-Papers/LEQSPaper57.pdf?from_serp=1.
48. *Ruidisch R.* Territorial cohesion and border areas // *Borders and Border Regions in Europe. Changes, Challenges and Chances* / A. Lechevalier, J. Wielgoths (Eds.), transcript Verlag, Bielefeld, 2013. P. 96.
49. *Oorzhak V.O.* Experience in creating border euroregions in the countries of the European Union // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021. No. 12–3. Pp. 502–508. <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2028>. (In Russ.).

Дата получения рукописи: 05.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузавко Антон Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
ORCID: 0000-0001-9758-3940
akuzavko@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anton S. Kuzavko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at Smolensk State University, Smolensk, Russia
ORCID: 0000-0001-9758-3940
akuzavko@rambler.ru

BORDER REGIONS IN CONDITIONS OF INTEGRATION: THEORETICAL ESTIMATIONS AND PRACTICAL RESULTS

The study of the dynamics of interstate interactions during globalization and regionalization of the world economy enabled to accumulate a significant amount of theoretical and empirical results, which can be used to assess the impact of cross-border trade cooperation on regional economic development. A particular interest is using different approaches and methods for the analysis of the development of border regions in the context of integration. The author compares the dynamics of some border regions of the Union State of Russia and Belarus, the EU and a number of other states involved in the integration processes. He attempts to summarize the most significant conclusions of Russian and foreign scholars studying the impact of interstate integration on the socio-economic situation of border regions. He notes that certain opportunities for assessing the impact of a region's border position on its development are provided by the new theory of trade and new economic geography. The study has shown that the impact of integration on the development of border regions differs a lot. It depends on various goals and motives behind the convergence of independent states, as well as on unique institutional factors of border areas.

Keywords: *border regions, integration, economic growth.*

JEL: F02.